

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Владимирский государственный университет

М.А. Барашев

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII –
НАЧАЛА XIX ВЕКОВ
Очерки

Учебное пособие

Владимир 2005

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Б24

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор
зав. кафедрой истории и музеологии
Владимирского государственного университета,
В.В. Гуляева

Доктор филологических наук, профессор зав. кафедрой литературы
Шуйского государственного педагогического университета
В.П. Мещеряков

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Владимирского государственного университета

Барашев, М.А. Воспитание и образование русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX веков. Очерки: учеб. пособие / М. А. Барашев; Владим. гос. ун.-т. – Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2005. – 56 с. – ISBN 5-89368-564-4.

Освещаются некоторые аспекты воспитания и образования русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX веков. Описание воспитательного и образовательного процесса тесно связано с рассмотрением особенностей мировоззрения, самосознания и художественного мироощущения, а также стереотипов социокультурного поведения русского дворянства той эпохи.

Пособие предназначено для студентов, аспирантов, специалистов и широкого круга читателей.

Библиогр.: 36 назв.

УДК 94(47)
ББК63.3(2)

ISBN 5-89368-564-4

© Владимирский государственный
университет, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XVIII – начала XIX столетий – время расцвета Российской империи и русской дворянской культуры. Оно характеризуется высоким уровнем экономического развития дворянской России, который был обусловлен относительно благоприятными природными условиями, усилением процесса внутренней колонизации, развитием агрикультуры и промышленности, ростом городов и торговли, демографическим подъемом. В это время наблюдаются укрепление российского абсолютизма и системы крепостного права, реорганизация управления государством, расширение территории империи в ходе многочисленных войн и активная внешнеполитическая роль России в Европе. В условиях экономического и политического подъема происходит значительное усложнение социальной структуры русского общества и форм общественных отношений. Вместе с тем вторая половина XVIII – начала XIX вв. отмечены и расцветом духовной жизни русского общества, неразрывно связанной с европейской культурой эпохи Просвещения. Достижение философской мысли и естественнонаучного знания, литературы и музыки, архитектуры и искусства стали неотъемлемой частью мирового культурного наследия.

Доминирующее положение в экономической, политической и культурной жизни России принадлежало дворянству. Благородное сословие утверждало свое лидерство в русском обществе и системой сословных привилегий, и манерой поведения, и высокой культурой, приобщение к которой сдерживалось удручающе низким образовательным уровнем подавляющего большинства русских помещиков. Во второй половине XVIII в. императрица Екатерина II пыталась осуществить целенаправленную образовательную программу, направленную на воспитание совершенно нового человека. В идеале – это дворянин, способный одинаково хорошо служить обществу и охранять его интересы, а также быть его украшением; обладающий ясным умом, свободным от предубеждений, и обширными познаниями; скромный, но не приниженный, готовый помочь, но не угодли-

вый, искренний и доброжелательный. Во второй половине XVIII – начале XIX вв. в России сложилось особое образовательное пространство, где в условиях межкультурной коммуникации и межконфессионального диалога формировались мировоззрение, самосознание и стиль социокультурного поведения отечественного дворянства.

Специально эта тема пока еще не исследовалась, хотя ее отдельные проблемы освещались как в общих, так и специальных сочинениях. Это прежде всего труды П.В. Знаменского, Д.А. Толстого, В.О. Михневича, А.Б. Петрищева, С.В. Рождественского, И.А. Алешинцева, Ю.М. Лотмана, Е.Н. Марасиновой, С.Д. Руденской, З.И. Равкина, О.Е. Кошелевой, Н.И. Яковкиной, О.С. Муравьевой, Л.В. Ивановой и др. В них рассматривались проблема детства и роль родителей в воспитании ребенка, образовательные программы и учебная литература, педагогические методы и система наказаний, культурный облик педагогов, структура частного и государственного образования в России, обучение дворянских юношей за границей, в том числе маршруты и содержание их воспитательных туров, специфика женского образования, а также самообразование русского дворянства.

Круг источников по истории воспитания и обучения русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX вв. охватывает многочисленные письменные и иконографические материалы. Все они содержат сведения о различных аспектах теории и практики дворянского образования в России, но различаются по объему информации, степени достоверности и важности.

В первую очередь, это многочисленные мемуары Е.Р. Дашковой, Ф.Ф. Вигеля, Л.Н. Энгельгардта, М.А. Дмитриева, Е.П. Яньковой, В.Н. Головиной, И.М. Долгорукова, А.Е. Лабзиной, П.А. Вяземского, Г.И. Ржевской, С.В. Скалон, Н.И. Греча Ш. Массона, Э.Дюмона, декабристов, дневники А.Т. Болотова и эпистолярное наследие А.В. Суворова, Е.Р. Дашковой, А.Р. Воронцова, опубликованные отдельными выпусками или в специальных сборниках и периодических изданиях, а также произведения художественной литературы Д.И. Фонвизина, Д.Н. Бегичева, А.М. Бакунина, В.В. Капниста. Эти источники дают наиболее полную и часто систематизированную, хотя и далеко не всегда достоверную картину образовательного пространства русского дворянства той эпохи. В них она нередко деформирована под влияние собственных воззрений авторов так, что разделение правды и вымысла бывает очень затруднено. Особый инте-

рес представляют собой не столько произведения хорошо известных и часто цитируемых авторов, сколько ныне почти забытых мемуаристов. Тем более, что именно со второй половины XVIII в. в мемуаротворчество включается провинциальное дворянство. Значительная часть этого богатейшего культурного наследия не публиковалась и хранится в фондах центральных и областных государственных архивах.

Обширная группа источников включает письменные и графические материалы о дворянской культуре России, хранящиеся в фондах РГАДА, РГВИА, РГИА, АСПФИРИ и областных государственных архивов. Они представляют собой хозяйственные распоряжения, в том числе и о обучении и воспитании детей, переписку помещиков с домашними педагогами, членами семьи, родственниками и друзьями, описи книжных собраний и коллекций художественных произведений, планы усадеб и господских домов.

Важнейшее значение для исследования истории воспитания и образования русских помещиков имеют хорошо известные и популярные в дворянских кругах второй половины XVIII – начала XIX в. философские и эстетические сочинения, педагогические руководства и учебники, теоретические труды и переводные трактаты, справочники, словари, сборники хозяйственных советов. Среди них – труды Е.Р. Дашковой, А.Т. Болотова, Н.И. Новикова, В.А. Левшина, Н.П. Осипова, М.Е. Головина, А.П. Куницына, Ж.-Ф. Лагарпа, И.А. Гейма, Г.И. Мягкова, И. Лема, И. Ляликова, Л. Роза, Х. Гиршфельда, Ж. Делиля и лорда Честерфилда. Несомненный интерес также представляют периодические издания той эпохи, например «Экономический магазин», «Сельский житель», «Труды вольного экономического общества», «Детское чтение для сердца и разума».

Специальную группу источников составляют произведения изобразительного искусства, выполненные известными и неизвестными мастерами второй половины XVIII – начала XIX вв.

В настоящих очерках, не претендующих на полноту освещения теории и практики дворянского образования в России второй половины XVIII – начала XIX вв, сосредоточено внимание на ключевых его аспектах. В первой главе дается характеристика образовательного пространства русского дворянства, во второй главе описывается домашнее обучение и воспитание и, наконец, в третьей главе рассматриваются частные и государственные учебные заведения в России. Издание снабжено иллюстративным (приложение), библиографическим и дидактическим материалами.

Глава 1

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ДВОРЯНСТВА

Во второй половине XVIII в. в Российской империи складывается сословная система, состоящая из четырех сословий: дворян, духовенства, городских и сельских (крестьян) обывателей. Сословия делились на неподатные и податные. Первые два сословия были освобождены от уплаты податей (налогов) и представляли собой привилегированную часть населения.

Дворянство – высшее привилегированное служило-землевладельческое сословие, возникло как институт феодального общества в XII столетии. В Московской Руси дворяне несли военную службу, за что награждались земельными владениями с крестьянами. В эту эпоху существовали две формы феодального землевладения: вотчина и поместье. В отличие от вотчины поместье являлось условной частнофеодальной земельной собственностью, наследование которой было сопряжено с обязательным несением военной службы помещиками. В конце XVII – начале XVIII вв. роль дворянства в политической жизни государства существенно возросла вследствие петровских реформ. Указ Петра I от 23 марта 1714 г. узаконил слияние помещичьей и вотчинной форм феодального землевладения: отныне все земельное имущество дворян превратилось в наследственную собственность. Законодательством были разработаны положения о статусе двух видов собственности: родовой (получаемой по наследству) и благоприобретенной. Указ 17 императора от марта 1731 года упразднил ограничения в распоряжении родовой собственностью, а по «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (Жалованная грамота), опубликованной 21 апреля 1785 г., дворянство получило полную свободу отчуждения и благоприобретенных имений. Одновременно верховная власть поступилась своим правом конфискации дворянских владений по судебным решениям; исключение допускалось лишь в отношении «государственных преступников». Жалованная грамота 1785 г. также подтвердила право собственности дворян на землю и ее недра, на леса, растущие в их имениях; освобождение их от личной службы, а помещичьи дома от «военного или иного постоя». Дворяне получили преимущества при прохождении государственной службы и производстве в чины, в отношении них запрещалось применять телесные наказания. Наконец, Жалован-

ная грамота 1785 г. официально вводила корпоративную организацию благородного сословия с правами самоуправления. Совершеннолетние потомственные дворяне каждой губернии образовывали дворянское общество, члены которого пользовались правом участия в собраниях для обсуждения общественных нужд и выборов предводителей губернского дворянства. Подобная организация создавалась и в уездах.

В результате целенаправленной политики верховной власти во второй половине XVIII столетия наступает так называемый «золотой век» русского дворянства. В это время оно очень усилилось, возросло численно и распалось на несколько слоев и групп. К концу XVIII в. в Российской империи проживало около 500 тысяч потомственных дворян обоего пола. Наиболее привилегированную часть благородного сословия составляло титулованное дворянство, представители которого, как правило, занимали высокое должностное положение при Императорском дворе и играли важную роль в государственном управлении. Это князья Трубецкие, Голицыны, Долгоруковы, Вяземские, Репнины, Куракины, Волконские, Дашковы, графы Апраксины, Салтыковы, Воронцовы, Шуваловы и т.п. К титулованному дворянству примыкали знатнейшие дворянские фамилии, не имевшие титулов по достоинству и даже считавшие излишним принимать их, например Нарышкины, Бутурлины, Нелединские-Мелецкие, Всеволожские. Начиная с петровской эпохи неуклонно возрастало число так называемых «новых» дворян, приобретших дворянское достоинство чином военной или гражданской службы (Ягужинские, Шафиры, Строгановы, Остерман, Демидовы, Баташевы), а также по воле «случая» (Разумовские, Кутайсовы). Особую группу благородного сословия Российской империи представляют собой дворянские роды иностранного происхождения, обрусевшие и новоявленные (Брюс, Пален, Остерман, Ольденбургские). С введением Петром I закона о порядке прохождения государственной службы (Табель о рангах) 24 января 1722 г. в России появляется социальный слой личных (непотомственных) дворян. Его престиж в дворянских кругах был невысок. Личное дворянство распространялось только на жену, а законные дети пользовались статусом «обер-офицерских детей». Кроме того, за небольшим исключением личные дворяне не имели права владения крепостными.

Наряду с родовым статусом во второй половине XVIII в. существенное значение для благородного сословия приобретает и имущественный. «Приличное» состояние рассматривалось дворянством как условие независимости и возможность целиком посвятить себя саморазвитию, государст-

венной службе или ведению рационального хозяйства в имении. Выделяются помещики «малой руки» (мелкопоместные), владевшие от 1 до 100 крепостных душ мужского пола, причем среди них преобладали владельцы от 1 до 20 душ; помещики «средней руки» (среднепоместные); и помещики «большой руки» (крупнопоместные), имевшие свыше 500 крепостных душ. В числе последних выделились родовитые и сановные магнаты, владельцы тысяч крепостных и огромных латифундий, например Шереметевы, Апраксины, Воронцовы, Юсуповы, Разумовские и др.

В «Своде Законов Российской империи» (том IX, глава I отделение 1, §15) записано: «Дворянское название есть следствие, истекающее из качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное». Начиная с Петра I в кругах дворянского общества достойная жизнь не мыслилась вне государственной службы. Она рассматривалась не только как одна из основных обязанностей благородного сословия, но и как его привилегия. Русский дворянин должен был служить престолу и Отечеству, повинуюсь не страху, а чувству чести. Вместе с тем в самосознании подавляющего большинства дворян той эпохи чин ассоциировался с монаршей милостью и блестящей карьерой, являлся критерием благополучия и успеха в жизни. Преимущественно дворянской службой признавалась военная. Табель о рангах ставила военную службу в привилегированное положение. Это выражалась, в частности в том, что все четырнадцать классов в воинской службе давали право потомственного дворянства, а в гражданской (статской) службе такое право приобреталось, лишь начиная с восьмого класса. Статская служба ценилась невысоко и ею принято было гнушаться. Ее часто называли «подьяческой», и в ней всегда было много выходцев из других сословий. Исключение составляла дипломатическая служба, также считавшаяся благородной.

Манифест 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» закрепил за помещиками право выбора между службой и отставкой, дал им возможность стать «сельскими жителями» – местными администраторами и «образцовыми» хозяевами своих имений. Частная жизнь помещиков в деревне рассматривалась благородным сословием не как бегство от государственной службы, но как ее иная ипостась. Здесь помещик выступал как представитель верховной власти, ответственный за поступление налогов с крестьян, исполнение рекрутской повинности, благосостояние населения, за сохранение общественного спо-

койствия и т.п., а также как непосредственный участник дворянского самоуправления в уезде или губернии.

На протяжении всего периода второй половины XVIII – начала XIX вв. русский помещик не оставался пассивным «земельным рантье», хотя, конечно, было и немало таких. Помещики «малой», «средней» и даже «большой руки» нередко брали на себя создание и эксплуатацию сооружений, необходимых для переработки сельскохозяйственной продукции, т.е. строили мельницы, организовывали винокуренные и свеклосахарное производство, заводили полотняные и суконные мануфактуры, заводы по разведению племенных лошадей и крупного рогатого скота, товарное садоводство. Они заботились о внедрении у себя в имениях новых агротехнических приемов и сельскохозяйственных культур, тем более что именно в это время русские сельскохозяйственные продукты получили высокую оценку на европейских рынках.

Вместе с тем, во второй половине XVIII столетия среди русского дворянства появились люди, которые считали для себя возможным служить обществу если «не с оружием, так с пером в руках». Они видели исполнение гражданского долга и государственной службы в своей творческой деятельности на ниве просвещения общества прежде всего через занятия литературным трудом. Увлечение науками и искусствами охватило различные слои и группы русского дворянства от столичной аристократии до провинциальных помещиков. Такой жизненной позиции придерживались Е.Р. Дашкова и И.И. Бецкой, Д.А. Голицын и Н.И. Новиков, А.Т. Болотов и В.Л. Левшин. Под влиянием идей Просвещения в кругах «высшего света» человек невежественный и малограмотный стал вызывать презрение, его сторонились. В это время, как и при Петре I, недостаток образования вполне мог стать препятствием к успешной карьере на государственной службе. И наоборот, незаурядные способности и солидные знания могли вознести человека на самые вершины власти, ярким свидетельством чему являются блестящие карьеры канцлера А.А. Безбородко или М.М. Сперанского.

Первые попытки организации в России государственной светской системы образования относятся к эпохе петровских преобразований. В первой четверти XVIII в. в столицах и провинции создаются так называемые цифирные школы, в которые набираются дети дворян, приказных, служилых и посадских людей, и специальные учебные заведения типа артиллерийской или навигацкой школ в Москве, обеспечивающие отечест-

венными кадрами армию и флот; дворянские недоросли отправляются на обучение за границу; предпринимаются усилия, направленные на повышение общего культурного уровня русского дворянства, выработку норм его поведения в светском обществе, например знаменитое петровское «Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению» (1717). В это время немалая часть дворянства достаточно высоко оценивает значение образования и прежде всего потому, что при императоре-реформаторе именно оно служило одним из важнейших факторов движения вверх по служебной лестнице. После Петра I, по образному выражению А.С. Пушкина, «азиатское невежество обитало при дворе». В середине XVIII в. неграмотность была обычным явлением в среде провинциального дворянства. Серьезная обеспокоенность низким уровнем образования, прежде всего в провинции, отчетливо проявилась в ходе деятельности комиссии по обсуждению нового Уложения, т.е. в около 24 % наказов дворянств речь шла о «культурных» нуждах. Например, помещики Смоленского уезда жаловались, что «... по изнеможению и недостатку своему для обучения детей содержать достойных учителей способа не имеют, и за скудостью в учрежденные училищныя места вести не в состоянии, через то не только иностранными и указными не пользуются науками, но и российской грамоте некоторые с нуждою обучаются ...» [20, С. 46]. Им вторят костромские дворяне: «... их дети в невежестве и косности возрастают, и не только делаются неспособными к службе, но и немалейшаго вида дворянского в жизни и в поведении своем не имеют; а многие через то приходят в разныя гнусныя страсти и шалости, которые им же самим, наконец, во-вред и погибель обращаются» ... [20, С. 47]. Основная причина низкой образованности в провинции, как отмечалось в наказе Сената состоит, в том, что «... нигде почти по городам или губерниям порядочных школ нет, в которых бы юношество могло обучаться благопристойным для каждого звания наукам и художествам ...» [20, С. 46].

Начало формирования единой государственной системы образования и воспитания в России неразрывно связано с именем императрицы Екатерины II. В 1786 г. был утвержден Устав народных училищ, подготовленный Комиссией об учреждении училищ во главе с сенатором П.В. Завадовским. В соответствии с ним в каждом губернском городе учреждались четырехклассные главные народные училища, а в уездных городах – двухклассные малые народные училища. Содержатся эти учебные заведения должны были за счет Приказа общественного призрения. Начальное обу-

чение, обеспеченное первыми двумя классами главных училищ и малыми училищами, заключалось в чтении, письме, чистописании, арифметике, катехизисе. В старших классах главных училищ изучались: Закон Божий, русский язык, арифметика, география общая и русская, история всеобщая и русская, естественная история, геометрия, архитектура, механика, физика и иностранный язык, «какой по соседству каждого наместничества, где главное училище находится, быть может полезнее по употреблению его в общежитии», а также дополнительно могла вводиться латынь. Для этих учебных заведений были выпущены основные уставы, инструкции, учебники, пособия, подготовлены учителя. Так, в конце XVIII в. во Владимирской губернии в главном и четырех малых училищах работало 7 учителей и обучалось 290 учеников, причем учебно-воспитательный процесс в этих заведениях оставался на довольно низком уровне. В агентурном донесении 1826 г., например, отмечалось, что «... Учебная часть во Владимирской губернии находится в большом неустройстве и учрежденные в городах и селениях школы, имея учителей несведущих и нетрезвых, служат более к разврату нежели к просвещению юношества ...» [1]. Наряду с народными училищами, бедное провинциальное дворянство могло получать образование в учебных заведениях, находящихся в ведении Синода Русской Православной церкви. В начале XIX в. единая система духовного образования в России включала в себя четыре типа учебных заведений: академии, семинарии, уездные и приходские училища. Они представляли собой высшую, среднюю и начальную ступни духовного образования. Важным событием в истории дворянского образования в России стало принятие в 1804 г. общего учебного устава, который определил статус гимназии как среднего общеобразовательного заведения, создававшегося для подготовки к государственной службе или поступлению в университет. Учебная программа гимназий начала XIX в. отличалась обширностью и разносторонностью. Изучение предметов производилось по циклам, каждый из которых вел один учитель. Математический цикл включал алгебру, тригонометрию, геометрию, физику. В цикл «изящных искусств» входили словесность (литература), теория поэзии и эстетика; в цикл естественной истории – ботаника, зоология, минералогия; в цикл наук философских – логика и этика. Кроме этого, преподавались латынь, немецкий и французский языки, география и история, статистика, а также танцы, музыка и гимнастика. Курс гимназического обучения составлял четыре года, а с 1818 г. – восемь лет. Согласно устава, каждая гимназия должна была иметь библиотеку и целый

ряд наглядных пособий от географических карт до моделей машин. Значительно чаще и охотнее, чем в гимназии и другие государственные учебные заведения, дворянских детей отдавали в военно-учебные заведения, поскольку во второй половине XVIII – начале XIX вв. военная карьера в условиях непрекращающихся войн рассматривалась как «наиболее предпочтительная для людей дворянского звания». Кроме кадетских корпусов, существовавших еще с XVIII в., в 1805 г. открывается ряд начальных военных училищ в обеих столицах и ряде городов провинции – Смоленске, Киеве, Воронеже и др. В них зачислялись дети от семи до девяти лет. Курс обучения составлял семь лет, причем лучшие из учеников имели возможность продолжить учебу в кадетских корпусах. Кроме того, среднее военное образование молодые дворяне могли получить в так называемом Дворянском полку, в Морском кадетском корпусе или Школе колонновожатых – учебном заведении для подготовки квалифицированных штабных офицеров. В 1802 г. был учрежден Пажеский корпус – привилегированное закрытое учебное заведение для детей знатнейших дворянских фамилий. Воспитанников готовили к придворной и военной (в гвардии) службе. Хотя Пажеский корпус состоял в системе военно-учебных заведений, но резко от них отличался. По условиям быта и обучения он был ближе к аристократическим закрытым пансионатам. Из опасения, что в государственных учебных заведениях «в виду смеси сословий» дворянские дети могут приобрести «дурные наклонности и привычки», родители предпочитали отдавать их в частные пансионы. Во второй половине XVIII – начале XIX вв. они были как в обеих столицах, так и провинциальных городах. Большинство частных пансионатов содержали иностранцы: мужские – немцы, женские – француженки. Они делились на три разряда в зависимости от учебной программы и платы. Программа пансионатов первого разряда соответствовала программе гимназий, второго – уездных училищ, третьего – предполагала лишь обучение грамоте и счету. Перворазрядные пансионаты стоили очень дорого. В них в основном обучались дети столичной и провинциальной знати. Например, в конце XVIII – начале XIX веков одним из самых модных в России был петербургский пансион аббата Николя, о котором Ф.Ф. Вигель писал: «... Тайный иезуит, аббат Николь, завел в Петербурге аристократический пансион. Он объявил, что сыновья вельмож одни только в нем будут воспитываться; и не столько с намерением затруднить вступление в него детям небогатых состояний, сколько из видов корысти положил невероятную плату: ежегодно по 1500 рублей, нынешних шесть

тысяч. Обстоятельства способствовали успехам сего заведения, которое находилось у Обухова моста, на Фонтанке, рядом с великолепным домом князя Юсупова. Супруга его, княгиня Татьяна Васильевна, отдала сына своего к аббату Николу, коего чрезвычайно поддерживала ...» [4, С. 50]. В этом пансионе также воспитывались П.А. Вяземский, граф А.П. Шувалов, граф П.Д. Толстой, князь С.Г. Волконский. Обучение в пансионатах II и III разрядов стоило меньше, и там учились дети менее состоятельных дворян. Однако несмотря на все разнообразие государственных и частных учебных заведений наиболее распространенным явлением в дворянской среде было домашнее образование и воспитание. Его содержание целиком зависело от благосостояния и культурного уровня родителей. Во второй половине XVIII в. обычной практикой русского дворянства стало приглашение для детей домашних учителей; причем родители, занятые усадебным хозяйством или светской жизнью, фактически передавали им «свои родительские обязанности и власть». Наиболее просвещенное и обеспеченное дворянство проявляло разборчивость при выборе наставников, которые должны были развивать в своих питомцах «благородные, справедливые чувства» и прививать им любовь к наукам и искусствам. За ними тянулись помещики победнее. Оценивая практику домашнего образования русского дворянства, известный французский мемуарист Шарль Массон, проведенный ряд лет при дворе Екатерины II и Павла I, писал: «... Законченное домашнее воспитание часто дает молодым людям более широкие и систематические познания, чем немецкие университеты своим питомцам; к тому же русские всегда умеют блеснуть своими познаниями ...» [10, С. 148].

В целом, в отличие от обучения в государственных и частных учебных заведениях домашнее образование носило лично-ориентированный характер. Во второй половине XVIII – начале XIX вв. девочки в дворянских семьях могли получать домашнее воспитание или учиться в закрытых частных пансионатах и институтах благородных девиц, в том числе привилегированном Смольном институте, куда принимали детей только потомственных и родовитых дворянских фамилий. Таким образом, очевидно, что исходя из главной задачи дворянского образования, т.е. формирования у ребенка нормативной модели социокультурного поведения, принятой в дворянских кругах той эпохи, родители стремились дать детям домашнее воспитание или обучать их в закрытых частных пансионатах и

привилегированных государственных учебных заведениях, например в Царскосельском Александровском лицее и т.п.

По установившейся в состоятельных дворянских семьях традиции домашнее обучение или образование в учебном заведении юношей и девушек завершалось, так называемой, «большой поездкой» – более или менее продолжительным путешествием в Европу. В ходе такого воспитательного тура молодые люди наглядно знакомились с культурой и обычаями «чужеземных» стран – Франции, Италии, Англии, Голландии, Германии или Испании. Они наблюдали за бытом и нравами европейского общества, рассматривали архитектуру городов, королевских резиденций и дворянских поместий, коллекционировали произведения живописи и скульптуры, покупали книги по экономике и праву, науке и искусству, истории, географии и т.п.. В путешествии юношей сопровождал опытный педагог – наставник. Семнадцатилетним юношей отправился в заграничный тур граф А.Р. Воронцов. Во Франции он обучался в кавалерийской школе – аристократическом учебном заведении в Версале, которое находилось «под собственным наблюдением французского короля». В Париже Воронцов познакомился с властителем дум просвещенного дворянства Вольтером. Яркие впечатления о европейской культуре он получил в Италии, где имел возможность по дороге из Венеции в Милан восхищаться виллами А. Палладио. Здесь в Италии А.Р. Воронцов приобрел восемь картин, среди которых была одна «из школы Рафаэля», и «ящик рисунков лутчих зданий и статуй Италии». Очень сильное впечатление на юношу также произвел в Штутгартене сад загородной резиденции местного герцога, как «особлив достойный примечания», причем он собирался еще раз побывать там, чтобы все рассмотреть. Многие дворянские юноши во время заграничного путешествия усугубляли свое образование, слушая лекции в крупнейших университетских центрах Европы – Геттингенском университете, в Париже, Страсбурге и т.п. Например, сыновья Владимирского губернатора И.М. Долгорукого продолжили свое образование в университетах Германии. П.М. Дашков в 1776 – 1779 гг. прошел двух с половиной годичное обучение в Эдинбургском университете по программе, составленной его матерью Е.Р. Дашковой. Программа включала изучение следующих дисциплин:

- первый семестр – языки, риторика и изящная словесность, история и устройство различных образцов правлений, математика, логика;

- второй семестр – языки, риторика, история и устройство различных образов правлений, математика, рациональная философия, экспериментальная физика, фортификация и черчение;

- третий семестр – изящная словесность, история и устройство различных образов правлений, фортификация, естественное право и всеобщее общественное право, математика, физиология и натуральная история, черчение;

- четвертый семестр – нравственность, математика, фортификация, всеобщее и основательное право народов, генеральные принципы законоведения, гражданская архитектура;

- пятый семестр – нравственность, повторение физики, первоначала химии и в заключение общее и логическое повторение пройденного.

П.М. Дашков успешно прослушал курсы и получил степень магистра гуманитарных наук. По возвращении из заграничного тура молодые дворяне совершали еще одно образовательное путешествие, но уже по губерниям Российской империи.

Контрольные вопросы и задания

1. Раскройте содержание понятия «дворянство».
2. Опишите структуру русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX вв.
3. Дайте характеристику образовательного пространства русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX вв.
4. Назовите основные типы учебных заведений в России второй половины XVIII – начала XIX вв.
5. Расскажите об отношении русского дворянства к образованию.

Темы рефератов

1. Благородное сословие Российской империи во второй половине XVIII – начале XIX вв.
2. Культура русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX вв.
3. Педагогические концепции русского Просвещения.
4. И.И. Бецкой – русский просветитель XVIII в.
5. Е.Р. Дашкова – ученый и педагог.

Глава 2

ДОМАШНЕЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Под влиянием идей европейского Просвещения во второй половине XVIII в. в сознании русского дворянства прочно утвердилась нормативная модель социокультурного поведения человека благородного сословия. Именно эта модель и обусловила то исключительное единство содержания воспитания и образования отечественного дворянства той эпохи. Оно носило нормативный характер и было направлено не столько на то, чтобы раскрыть индивидуальность ребенка, сколько на то, чтобы сформировать личность точно соответствующую общепринятому в дворянских кругах образу «душевно и телесно здорового» человека благородного сословия.

Идеальный образ дворянина был ярко воплощен в философских сочинениях А.Т. Болотова, Е.Р. Дашковой, И.И. Бецкого, а также произведениях художественной литературы (А.М. Бакунин. Поэма «Осуга») и изобразительного искусства (Д.Г. Левицкий. Портрет П. А. Демидова). В идеале дворянин обязан был быть не только «человеком чести» – верным, храбрым, честным и щедрым, но и «образцовым хозяином», обладающим такими качествами, как трудолюбие, скромность, бережливость и умеренность. Он должен был иметь обостренное чувство собственного достоинства и уметь уважать не только людей, стоящих гораздо выше его по своему социальному положению, но и тех, кто стоял неизмеримо ниже. Наконец, дворянин должен был обладать обширными практическими знаниями, необходимыми ему как в светской жизни, так и в повседневном быте в сельской усадьбе, которые обеспечат «... благополучие не в посторонних и наружных вещах, а во внутренности нашей души ...» [3, С. 232]. Подобные нравственные принципы, правила поведения и познания наук требовали длительного и тщательного воспитания и образования.

Рождение ребенка в как правило многодетных дворянских семьях было важным, но не исключительным событием. День и час его появления на свет по традиции записывали на полях Библии или в календаре. Например дед М.А. Дмитриева отметил в «Христианском месяцеслове», что «1796 года мая в 23-й в пятницу, в таком-то часу пополуночи невестка Марья Александровна родила сына Михаила, и имя дано того ж дня» [7, С. 35]. По распространенному в среде русских помещиков обычаю в честь

рождения ребенка в усадебном парке высаживалось «священное дерево», которое затем обносилось оградой и куда разрешалось заходить только избранным. Поэт А.И. Одоевский посвятил своему «священному дереву» в усадьбе «Новониколаевское» Владимирской губернии замечательные строки:

«Я помню липу; не отдельно
Я с нею жил, и листьев шум
Мне веял песней колыбельной
Всея негой первых детских дум.»

Для повседневного быта дворянства была характерна традиция раздельного проживания родителей и детей, причем в архитектурно-строительных руководствах того времени специально указывалось отделять спальню и кабинет отца от «детской», «ибо за криком и шумом ничего делать не можно будет» [5, Ч. 2, С. 53 – 54]. Как правило в домах состоятельных помещиков под детскую отводилась угловая комната, довольно большая и светлая, но отделенная от парадной части и жилых помещений других членов семьи, чтобы дети не надоедали шумом и не мешали занимать гостей. «Детская» – это особый мир, наполненный игрушками, детскими книжками, детской одеждой. Здесь ребенок нередко проводил самые счастливые дни своего детства. Родители, занятые усадебным хозяйством и светской жизнью, уделяли мало внимания воспитанию детей. И хотя, по отзывам современников, в дворянских семьях родителей «боялись, любили и почитали», во многих из них детям просто не хватало родительской ласки и проявлений нежной привязанности. С самого раннего детства ребенка отдавали на попечение крепостных нянек и дядек, которыми, впрочем, нередко руководила бабушка (в семье Л.Н. Энгельгардта) или реже мать (в семье А.М. Бакунина). Русская мемуаристика сохранила многочисленные свидетельства привязанности питомцев к своим наставникам. Их любовь заменяла детям родительскую ласку, пример тому, знаменитая пушкинская няня Арина Родионовна.

Пора беззаботного детства заканчивалась в дворянских семьях рано, в четыре-пять лет. Основой домашнего воспитания дворянства на этом этапе являлось формирование у ребенка религиозно-нравственных устоев. Его знакомили с системой христианско-этических норм и традиций, определяющих стиль поведения дворянина, которые входили в сознание детей при помощи целого комплекса разных, внешне порой никак между собой

не связанных требований и педагогических приемов. М.А. Дмитриев вспоминал, как затворивши двери в комнату мать «... молилась, читая по книжке утренние молитвы. Меня ставила она тоже молиться возле себя. По большей части она молилась со слезами, и я, несмотря на то, что мне казалось довольно долго, не скучал этим, вникая в слова молитв, и с благоговением разделял с нею ее возношение души к Богу» [7, С. 38]. Утренняя и вечерняя молитва в дворянских семьях была обязательным для детей началом и концом дня. По воскресеньям и праздникам они вместе с родителями посещали церковь.

Первыми домашними учителями дворянских детей были сельские священники и дьячки, а также грамотные крепостные: Ф.Ф. Вигеля и М.А. Дмитриева обучили грамоте их крепостные соответственно Александр Никитин и Сидор Иванович; Л.Н. Энгельгардта – дьячок униатской церкви; М.И. Глинку – священник Иоанн Стабровский. Они знакомили ребенка с системой христианско-нравственных норм, давали ему первые уроки общения с природой, учили началам счета и грамоты по Часослову и Псалтыри; причем каждодневное учение начиналось и заканчивалось молитвой. По воспоминаниям С.В. Скалон: «... Нас будили рано утром, а в зимнее время даже при свечах; дядька Петрушка с вечера приготавливал для нас длинный стол в столовой, положив каждому из нас на листе чистой бумаги книги, тетради, перья, карандаши и пр. После длинной молитвы, при которой все мы стояли рядом, один из нас читал ее громко, мы сидели на свои места и спешили приготовить уроки к тому времени, когда мать наша проснется; тогда несли ей показывать, что сделали, и если она оставалась довольна нами, то, заставив одного из нас прочесть у себя одну главу из Евангелия или из священной истории, после чего отпускала нас гулять, а впоследствии старших братьев и на охоту, которую они очень любили» [15, С. 468]. В некоторых семьях первым наставником детей становился один из родителей. «... Мать моя учила писать и начала образовывать сердце мое, сколько словами, а вдвое примерами», – писала А.Е. Лабзина в своих мемуарах [8, С. 16] Учение давалось детям дворян по-разному. Одни осваивали его довольно быстро, так М.А. Дмитриев в четыре года уже хорошо читал, а в пять лет уже декламировал наизусть стихи перед гостями деда. Другим занятия счетом и грамотой приносили только мучения, тем более, что за лень сурово наказывали, в том числе и телесно.

В дворянских семьях второй половины XVIII – начала XIX вв. существовала развитая система наказаний за различные проступки, в том числе и за недостаточное усердие в учебе. Детей лишали сладкого или заставляли во время обеда стоять у стола, ставили на колени носом в угол на несколько часов (от одного до нескольких часов), закрывали в темную комнату, били деревянными лопатками или линейками по рукам, секли розгами, плетью и даже хлыстом из «подошвенной» кожи. Нередко в комнате, где проходили занятия, на стене висела плеть или в углу в ведре стояли розги как весомый аргумент в пользу прилежной учебы и поведения. Большого вреда для детской психики в таком отеческом наказании родители не видели. Наказания широко употреблялись не только родителями, но и домашними педагогами. Жестокость родителей и учителей часто навсегда отбивала любовь к тому или иному предмету, например, по свидетельству Л.Н. Энгельгардта его учитель немецкого языка иезуит Кацаврик, который «... исправно всякую неделю наказывал меня дисциплиною, для чего я получил омерзение к немецкому языку, что никогда не мог порядочно знать по-немецки и разуметь, что читаю» [18, С. 18] Иногда телесное наказание принимало характер глумления над ребенком. А.Т. Болотов вспоминал: «... немец мой сделался тогда сущим извергом: он не только меня иссек немилосерднейшим образом хворостинами по всему телу, без всякого разбору, но грыз меня почти зубами и терзал, как лютый зверь, без всякого человечества и милосердия ... ни слезы, ни умаливания, ни целования рук и ног его, ни повторные клятвы не могли смягчить сего чудовища ...» [2, С. 54]. Телесным наказаниям также подвергались и девочки. Другой широко распространенный прием заключался в том, что детей, нередко не щадя их самолюбия, стыдили в присутствии взрослых, а также старших и младших братьев или сестер. Страх и благочестие были неотъемлемыми элементами домашнего воспитания.

По мере взросления детей, с шести-семи лет, программа их образования существенно расширялась, и менялся круг наставников. Главную роль в воспитании теперь играли иностранные гувернеры и педагоги. Чаще всего это были французы и швейцарцы, реже – немцы и англичане. Нередко в доме богатого помещика служило сразу несколько гувернеров, причем разных национальностей. По отзывам современников большинство иностранцев «... с честью и успешно исполняли свои обязанности, отдавшись им по призванию и неся их с полным достоинством ...» [10, С. 147.] К по-

добному отношению их побуждали не только высокая культура и чувство достоинства, но и собственная выгода. Оплачивался труд гувернеров-иностранцев дорого, например, при известном недостатке средств и своей скупости С.Л. Пушкин платил гувернеру сто пятьдесят рублей в год с прибавлением по пуду сахара и пуду кофе, десяти фунтов чая, а, кроме того, еще представлял ему стол, квартиру, слугу и карету. За десять-двенадцать лет службы у состоятельного помещика педагог становился вполне обеспеченным человеком. Многие гувернеры, уезжая, получали пожизненную пенсию или, оставшись в России, должности и чины. С.В. Скалон пишет в своих воспоминаниях, что «... жил у нас до смерти один старичок-француз, m-г Asselin, которого отец мой очень любил, поместив в его в нашем бывшем детском домике ... Много читал, занимался химией, особенно же архитектурой и постройкой храма на траве близ нашего дома» [15, С. 469]. Среди иностранцев были замечательные педагоги, бывшие настоящими друзьями и подлинными руководителями своих питомцев, например, итальянский архитектор и аптекарь Петр Антонов (Пьетро Антонио?) Пучини, учивший рисованию детей знаменитой «Суворочки» (Н.А. Зубовой), во время ее пребывания во владимирской усадьбе Фетинино. С чувством глубокого уважения вспоминали своих гувернеров писатели и мемуаристы Ф.Ф. Вигель и Е.А. Баратынский, М.А. Дмитриев и А.С. Пушкин, многие другие русские дворяне. Встречались среди них и люди недостойные этого звания, чья безнравственность и невежество бросали тень на всех иностранцев и делали гувернеров всеобщим посмешищем. Замечательный образ подобного домашнего учителя Вральмана выведен в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль».

Структура образовательных курсов, как правило, зависела от благосостояния и культурного уровня родителей, а также от наличия для их чтения педагогов. В числе общеобразовательных предметов преподавались «древние и новые» языки: латынь, реже – греческий; французский – как язык дворянского сословия, а также, если была возможность, немецкий, английский и итальянский, всеобщая и русская история, география, физика, астрономия, арифметика и геометрия, русская словесность, рисование и музыка.

Значительно реже среди учебных дисциплин встречаются политэкономия, статистика, право (естественное, международное, публичное), логика, фортификация и артиллерия. Наряду с общеобразовательными пред-

метаами, во второй половине XVIII – начале XIX в. обязательной частью домашнего воспитания стало основательное изучение архитектуры и искусства, поскольку «человеку светскому пристало иметь настоящее знание их и хороший вкус» [17, С. 112]. Особое внимание при этом отводилось архитектуре, т.е. «науки строиться», которое «вещь нужная для всех на свете; она почтенно и полезно всякого состояния особам». Изучение архитектуры имело ярко выраженный прикладной характер, поскольку помещикам, особенно провинциалам, приходилось постоянно заниматься строительными работами в усадьбе, нередко в отсутствие архитектора. Он должен был уметь начертить план и фасад постройки, составить смету и осуществлять контроль над строительными работами, особенно когда их выполняли нанятые по договору артели, «которые ко всякому роду мошенничества и плутней склонны и с которыми иногда самые знающие Архитекторы как с собаками бьются» [11, С. 369].

Основным методом преподавания был словесный. Учитель излагал материал по предмету, а дети его заучивали, как правило, механически. Часто уроки строились в виде беседы учителя и ученика, где от последнего требовали своих собственных суждений, умозаключений и доказательств. Широко были распространены и практические занятия, особенно при изучении иностранных языков и словесности. Ученики выполняли устные и письменные упражнения, читали и разбирали классические произведения при изучении французского языка («Сид » и «Андромаха» Жана Расина, «Тартюф» Мольера, «Генриада» Вольтера), английского («Макбет» и «Гамлет» Шекспира), немецкого (произведения Гете и Шиллера). В круг учебного чтения также входили труды Плутарха, Тацита, Тита Ливия, Горация и других античных классиков. Широко использовались различные учебники – иностранные, переводные и отечественные. Среди них – французские грамматики М. Соколовского (1781) и П. Ресто (1739), «Лицей, или Курс древней и новой литературы» Ж.-Ф. Лагарпа (1799 – 1805), «Древняя российская вифлиофика» Н.И. Новикова (1773 – 1775), «Руководство к коммерческой науке» И.А. Гейма (1804), Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству» М.Е. Головина (1789), «Опыт городским и сельским строениям или Руководство, как расположить и строить всякого рода строения по неимению архитектора» И. Лема (1821), «Краткое руководство к военной архитектуре или фортификации» Г.И. Мягкова (1805), «Главное начертание теории изящного искусства»

А.Г. Мейнерса (1803), «Начальные основания государственного хозяйства или науки о народном богатстве» Х.А. Щлецера, «Детское чтение для сердца и разума» (1785 – 1789). В начале XX в. учебники стали выпускать провинциальные типографии, например, «Домашняя арифметика» А. Ливанского отпечатана во Владимире в 1801 г. Читали дети и произведения художественной литературы развлекательного характера: «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Дон Кихота» М. Сервантеса, русскую поэзию М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова. Использовался в домашнем обучении метод наглядности. Под руководством педагога дети изучали различные приборы и карты, совершали экскурсии на природу, наблюдали за растениями, которые сами сажали и растили. Природа была одним из самых сильных впечатлений ребенка. Он рос среди типичного русского ландшафта, который представлял собой преимущественно равнину, слегка волнистую, местами всхолмленную, покрытую стройными сосновыми лесами и березовыми рощами, многочисленными реками и озерами. Во второй половине XVIII в. он все более и более приобретал черты антропогенного, включающего в себя холмистый рельеф, дающий широкий, бескрайний обзор реки с плавными поворотами, леса, перемежающиеся с запаханнами полями, селами и деревеньками с их традиционными доминантами церковей. Все свое детство ребенок находился под очарованием усадебного парка. Для него была характерна обязательная ориентация в сторону открытых пространств и речных долин, гармония регулярных и ландшафтных форм, постоянное тяготение к многоплановым и живописным парковым сюжетам, относительно свободное размещение архитектурных и природных доминант, изысканная аранжировка растений и сочетание красок, многообразие водных мотивов, широкое использование естественных красот. Яркие тона в палитру усадебных красок добавляли приемом совместного размещения «прешпектов», оград и «увеселительных лесочков» из «плодовитых» и «лесных» деревьев и кустарников. Дополнительное очарование парку придавали многочисленные античные беседки и гроты, руины, мостики, аллегорическая скульптура, памятные знаки и кенотафы в таинственных закоулках аллей. В.Н. Головина вспоминала, что вокруг господского дома «... рос громадный красивый лес, окаймлявший равнину и спускавшийся, постепенно редая, к слиянию Истры и Москвы. В месте слияния этих двух рек отражались золотые лучи заходящего солнца; вид был чудесный. Я усаживалась на ступеньки галереи и с восторгом лю-

бовалась этим прекрасным пейзажем. Взволнованная, растроганная, я приходила в особое молитвенное настроение, убегала в нашу старинную готическую церковь ...» [8, С. 92] Подобное же настроение вызывали у детей старые деревья, которые нередко соотносились в их восприятии с красивыми легендами и преданиями. Так, в усадьбе Всеволожских Жерехово Владимирской губернии романтическим ореолом были овены четыре посаженных у пруда лиственницы: три – на одной стороне дороги, одна – на другой, символизирующие в духе бытовавшей здесь легенды отца с двумя сыновьями и мать, отчужденную от семьи. Большим уважением окружались «священные деревья», посаженные в честь рождения детей, или для отца, «бывшее свидетелем первого признания в любви милой его супруги». У каждого ребенка в усадебном парке были свои излюбленные места игр и забав. Например, в усадьбе Орехово Владимирской губернии бугор земли у пруда был старинным местом ребячьих игр в войну и в период Крымской войны получил название «Малахов курган». О подобных развлечениях М.А. Дмитриев вспоминал: «Главная забава моя была играть в солдаты. Ко мне собирались дворовые мальчишки; я вооружал их деревянными ружьями и учил их экзерции, которой выучился у дяди Сергея Ивановича. У меня были и знамя, и барабан. Когда приезжали к нам дети Карамзины и Философовы, они тот час просили меня собрать войско. Я собирал и предлагал им начальство; но всякому хотелось быть барабанщиком. Еще я любил стрелять в цель из лука. Стрела у меня была настоящая. Но однажды я попал сзади в горничную, шедшую по двору, к счастью, она была в шубе, и стрела не проникла далее. Однако у меня ее отняли и забросили на печку. Долго ходил я около нее, глядя на недостижимую высоту; но стрела так и пропала» [7, С. 44].

Огромное внимание при воспитании «сельского жителя» обращалось на физическую подготовку ребенка. Его обучали гимнастике, фехтованию, верховой езде, плаванию, танцам и охоте. Широко практиковались длительные прогулки на свежем воздухе и при любой погоде, а также подвижные игры, развивавшие у ребенка быстроту, ловкость, силу и выносливость. В своих мемуарах Ф.Ф. Вигель описывает, что отец князей Голицыных «... заботился о физическом образовании детей: ему желалось их всех видеть молодцами ... Молодые князья были искусны во всех гимнастических упражнениях: они шибко бегали, высоко лазили, славно катались на коньках, мастерски перепрыгивали через рвы; смотря по возрасту, у каж-

дого из них были разных величин свайки, и они тешились ими между собою или дворовыми людьми; зимою и летом каждое утро обливали их холодной водою» [4, С. 40 – 41]. В свою очередь, А. Е. Лабзина вспоминала, что мать ее «... держала на воздухе, не глядя ни на какую погоду; шубы зимой у меня не было; на ногах, кроме нитяных чулок и башмаков ничего не имела, в самые жестокие морозы посылала гулять пешком, а тепло мое все было в байковом капоте ... летом будили меня тогда, когда чуть начинает показываться солнце и водили купать на реку ... мать давала нам довольно времени для игры летом и приучала нас к беганью» [8, С. 17].

Домашнее воспитание девочек не намного отличалось от воспитания мальчиков. Из рук няни она поступала под надзор иностранной гувернантки, которой так же, как и гувернеру у мальчиков, родители практически передавали «свои родительские обязанности и власть». А.П. Керн вспоминала, что ее гувернантка m-lle Бенуа «... умела приохотить нас к учению разнообразием занятий, терпеливым и ясным без возвышения голоса толкованием, кротким и ровным обращением и безукоризненною справедливостию, что мы не тяготились занятиями, продолжавшимися целый день, за исключением часов прогулок, часов завтрака, обеда, часа ужина. Воскресение было свободно, но других праздников не было. Мы любили наши уроки и всякие занятия вроде вязания и шитья подле m-lle Бенуа, потому что любили, уважали ее и благоговели перед ее властью над нами, исключавшею всякую другую власть ... Она заботилась о нашем туалете, отращивала нам локоны, сделала коричневые бархотки на головы» [9, С. 121]. Чаще всего гувернантка была француженкой, реже – англичанкой. В целом образование девушек носило, как правило, более поверхностный характер, чем обучение юношей. Оно ограничивалось знанием одного-двух языков, обычно французского и немецкого; владение английским уже свидетельствовало о более высоком, чем средний, уровне образованности девушки. Кроме того, девочек обучали общеобразовательным дисциплинам, танцам и игре на каком-либо музыкальном инструменте, пению и рисованию, а также различным рукоделиям. Главное внимание в воспитании девочек, как впрочем и мальчиков, уделялось усвоению хороших манер и светского этикета.

Большое значение для воспитания детей в семьях «сельских жителей» имел сам стиль усадебной жизни, круг общения. В.Н. Головина вспоминала, как обожала она своего дядю И. И. Шувалова и любила слушать

его рассказы о путешествиях по Европе. Дочь поэта В.В. Капниста С.В. Скалон с большой теплотой пишет как отец «... любил гулять в саду, водил нас по темным аллеям и собирал вместе с нами по дорожкам лежавших в зелени светлых червячков, которых, принеся домой, мы клали на террасу и на другой день тешились их светом...» [15, С. 471].

Таким образом, сложившаяся у русских дворян второй половины XVIII – начала XIX вв. система домашнего образования была направлена на воспитание человека благородного сословия, который по образному выражению поэта В.Л. Пушкина не должен был забывать о том, что:

Невежда может ли Отечество любить?
Не тот к стране родной усердие питает,
Кто хвалит все свое, чужое презирает,
Кто слезы льет о том, что мы не в бородах,
И, бедный мыслями, печется о словах!
Но тот кто, следуя похвальному внушению,
Чтит дарования, стремится к просвещению;
Кто, согражданин любя, желает славы их;
Кто чужд и зависти, и предрассудков злых.
[13, С. 139 – 140]

Недостатки и погрешности домашнего воспитания русские помещики восполняли самообразованием, причем под влиянием идей немецкого Просвещения они видели исполнение своего гражданского долга в творческой деятельности на поприще науки, литературы или публицистики. Тот же А.Т. Болотов считал, что может служить Отечеству, если «не с оружием, то с пером в руках». Однако подавляющее число провинциалов не имело возможности регулярно отправляться в заграничные путешествия или даже совершать поездки в Петербург. Обо всех европейских и столичных политических событиях, моде, экономических и культурных новинках провинциалы узнавали из книг, журналов и писем родственников или друзей. Во второй половине XVIII в. печатная продукция стала играть исключительно важную роль в самообразовании русских помещиков. О росте круга читателей в это время свидетельствует резкое увеличение книжной продукции. Так, только с начала 1760-х гг. до половины 1790-х гг. в России было опубликовано свыше пятисот иностранных романов и повестей. В это же время появляются романы из русской жизни, например, «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины» М.Д. Чулкова

(1770). С конца XVIII в. книги стали выпускать и провинциальные типографии: «Карманный коновал» (Калуга, 1794), «Опыт сельского домостроительства» Н. Ефремова (Смоленск, 1810). Особый интерес у «сельских жителей» вызывала книжная продукция по вопросам земледелия и домоводства. Если в 1730 – 1750-е гг. вышло лишь несколько книг этой тематики, то в конце XVIII в. в России издавалось шесть специальных журналов, посвященных сельскому хозяйству.

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. к числу нормативных правил дворянского поведения относили обязанность создавать у себя в усадьбе или городском доме книжное собрание. Типичная дворянская библиотека насчитывала от одной до пяти тысяч томов. Она как правило включала в себя следующие разделы: политика и право, наука и искусство, история и география, беллетристика, богословие. Практически в каждой усадебной библиотеке имелись произведения европейских просветителей и философов, прежде всего французских на языке оригинала. Среди них – труды Вольтера, Ш. Монтескье, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, К.-А. Гельвеция, Д. Локка, С. Пуфендорфа, а также тома «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» Д. Дидро и Ж.-Л. д'Аламбера. Обязательной частью книжного собрания была подборка сельскохозяйственных журналов, книжек «Экономического магазина», трудов В.А. Левшина, Н.П. Осипова, Н. Иванова, И. Ляликова, Х. Гиршфельда, «Трудов Вольного экономического общества» и тому подобная литература, в том числе на иностранных языках. Особый раздел включал в себя произведения античных авторов (нередко во французских переводах), Платона, Плутарха, Тацита, Цицерона, Овидия, Вергилия, Горация и других. Иностранная художественная литература была представлена сочинениями С. Ричардсона, Д. Мильтона, Д. Дефо, М. Сервантеса, И.-В. Гете, Шиллера. Широко встречались произведения русских писателей и поэтов, например А.П. Сумарокова, М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина и других. Выписывали помещики литературу к себе в усадьбы в основном из Москвы, реже из Петербурга и заграницы. Так А.В. Суворов, живя в своем владимирском имении Ундол в 1784 г. просил из «... Москов[ского] Почтамта газеты и французские обыкновенные книжки энциклопедик Дебульон те же мне выписать и на будущий год» [16, С. 94 – 95]. Некоторые провинциалы ежегодно делали между собой складчину для выписки лучших русских и иностранных журналов или хозяйственных книг. Крупные усадебные библио-

26

теки были у Шереметевых, Воронцовых в Андреевском, Н.Б. Юсупова в Архангельском, Голицыных в Симе, А.Т. Болотова в Дворянинове, Н.А. Львова в Никольском-Черенчицах.

Пополняли свое образование помещики и через общение друг с другом, причем нередко главным предметом их бесед были соображения по улучшению своего хозяйства, о перспективах на урожай, племенных домашних животных и т.п. Ревностно следили провинциалы за хозяйственными новациями в соседних усадьбах столичной знати, перенимая по мере сил их опыт и достижения.

Контрольные вопросы и задания

1. Раскройте содержание понятия «домашнее воспитание и обучение».
2. Опишите методы обучения детей в дворянских семьях второй половины XVIII – начала XIX вв.
3. В чем состояли достоинства домашнего обучения и воспитания русского дворянства?
4. Какие недостатки обнаруживаются в домашнем образовании русского дворянства?
5. Расскажите о роли родителей в воспитании дворянских детей второй половины XVIII – начала XIX вв.

Темы рефератов

1. Домашнее обучение и воспитание русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX вв. Его достоинства и недостатки.
2. Мемуары как источник по истории образования и воспитания русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX вв.
3. Влияние усадебной жизни на воспитание дворянских детей во второй половине XVIII – начале XIX вв.
4. Самообразование русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX вв.
5. Иностранцы гувернеры в России второй половины XVIII – начала XIX вв.

Глава 3

ЧАСТНЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. в Российской империи сложилась государственная система народного образования, впервые были разработаны в теории и осуществлены на практике основы светского обучения и воспитания юношества.

Под влиянием идей Просвещения императрица Екатерина II и ее окружение стремились воспитать «новую породу людей» – просвещенных, гуманных дворян, городских и сельских обывателей, всецело преданных престолу и Отечеству, не склонных к «вредным умствованиям» и составляющих общество, которым просвещенному монарху было бы спокойно и приятно управлять. Для достижения этой грандиозной цели они считали необходимым создание в России системы «правильного» воспитания «новой породы, или новых отцов и матерей». По мнению видного деятеля русского Просвещения княгини Е.Р. Дашковой, «правильное» воспитание «... содержит в себе три главные части, которых союз выполняет его существо; то есть ... из физического воспитания, из нравственного и, наконец, из школьного или классического. Первые две части всякому человеку необходимо нужны, третья же некоторого звания людям нужна и прилична, но притом не лишняя никому и украшает и самую высшую степень знатности, в коей таковые приобретенные красоты ума с большим блеском оказываются и сияют ...» [6, С. 124 – 125]. В структуру «школьного или классического воспитания» Е.Р. Дашкова включала: освоение «... природного языка, также латинского и греческого, коим учат для почерпания в зрелых летах красот и высоких мыслей, которых бы мы на нашем языке не имели, если б из древних латинских и греческих классиков оных не заняли и, следовательно б, не знали; для сообщения же с иностранцами немецкий, аглинский или французский язык ...» [6, С. 126], а также обучение арифметике, логике, риторике, истории, географии, нравственной и естественной философии, юриспруденции, химии, другим наукам «кои по званию, на себя принимаемому, и разнствует». В результате целенаправленного «правильного» воспитания «новая порода людей» должна была обладать таки-

ми добродетелями и качествами как страх Божий, похвальные склонности, трудолюбие, учтивость, благоприятность, «соблезнование о бедных», знание «домостроительства», «отвращение от всяких продерзостей», опрятность; причем необходимым считалось приучить каждого подданного «к основательным и приличествующим состоянию их правилам». Поэтому практическую политику в области образования верховная власть строила на принципах строгой сословности и изоляции детей от пагубного влияния общества. Дворянских детей следовало обучать в закрытых или привилегированных учебных заведениях, куда они поступали бы в возрасте не старше пяти-шести лет, пока их еще не испортили дурные влияния и неправильное воспитание. Находясь в учебных заведениях до восемнадцати-двадцати лет, они даже с ближайшими родственниками должны были бы встречаться только в определенные дни и в присутствии воспитателей.

Создание новых и реорганизацию старых учебных заведений в соответствии с духом времени императрица Екатерины II поручила президенту Российской Императорской Академии художеств Ивану Ивановичу Бецкому (1704 – 1795). Он родился в Стокгольме, где его отец князь И.Ю. Трубецкой находился в плену. И.И. Бецкой получил хорошее образование в Копенгагене, много читал и путешествовал. На его общественные и педагогические взгляды значительное влияние оказали идеи Я.А. Каменского, Ж.Ж. Руссо и Дж. Локка. В 1763 г. он был назначен президентом Академии художеств и шефом Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса. По поручению Екатерины II в 1764 г. Бецкой подготовил «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», где изложил цели, организацию и методы воспитания «новой породы людей». По его планам в России был открыт ряд учебных и воспитательных заведений, в том числе воспитательные дома для содержания подкидышей, сирот и детей неимущих родителей в Москве (1764) и Петербурге (1767), а также «Воспитательное общество благородных девиц», позднее получившее название Смольный институт (1764). Для всех вновь открытых учебных заведений И.И. Бецкой разработал уставы. Они были утверждены императрицей и опубликованы. Это способствовало распространению в обществе, особенно среди дворянства, новых взглядов на обучение и воспитание.

Политику Екатерины II в области народного образования продолжил ее внук император Александр I. В 1802 г. было учреждено министерство

народного просвещения во главе с екатерининским вельможей графом П.В. Завадовским. При нем в России было введено разделение на учебные округа, открыты университеты в Дерпте, Казани и Харькове, Главный педагогический институт, ряд гимназий и уездных училищ, изданы общий учебный устав (1804) и устав Императорской академии наук (1803). Премником П.В. Завадовского на посту министра народного просвещения в 1810 году стал граф А.К. Разумовский, по инициативе которого был создан Царскосельский Александровский лицей (1811). Его деятельность способствовала расширению в Российской империи сети низших и средних учебных заведений.

Основным типом государственных средних общеобразовательных учреждений в России к началу XIX столетия стала гимназия. Первые в империи гимназии были основаны при Петре I. В 1725 г. возникла гимназия в Санкт-Петербурге, которая находилась в ведении Академии наук. В конце XVIII в. в ней бесплатно обучалось в год от шестидесяти до восьмидесяти юношей. Самые способные из них продолжали обучение за счет Академии за границей. С учреждением в 1755 г. Московского университета при нем была открыта гимназия с двумя отделениями – для дворян и разночинцев. В 1758 г. создается гимназия в Казани, которая находилась также в ведении Московского университета. В 1775 г. по инициативе императрицы Екатерины II в Санкт-Петербурге была открыта гимназия, где содержались и воспитывались дети греческих поселенцев. Здесь обучались двести юношей в возрасте от десяти до двенадцати лет. Они изучали Закон Божий, арифметику, алгебру, геометрию, историю, географию, рисование, танцы и фехтование, а также русский, немецкий, французский, итальянский, древнегреческий и турецкий языки. Воспитанники жили не более чем по семь человек в комнате, у каждого была «особая постель». Обеспечение каждого воспитанника пищей и одеждой стоило около 110 рублей в год, а всего учреждения – 41 613 руб. Греческая гимназия пользовалась хорошей репутацией, поэтому тут учились за плату и дети из дворянских семей.

Важной вехой в развитии отечественного гимназического образования стало принятие в 1804 г. общего учебного устава, согласно которому в каждой губернии предписывалось открывать по крайней мере одну гимназию и отменялись все сословные ограничения. Учебная программа гимна-

30

зий была многопредметной (энциклопедической) , но исключительно сложной для усвоения. Обучение строилось по четырем циклам, каждый из которых вел один учитель: математическому, философскому, естественно-историческому и «изящных искусств». В число основных предметов входили алгебра, тригонометрия, геометрия, физика, литература, логика, география, история, древние и новые языки, естественнонаучные дисциплины. Интересно отметить, что изучение русского языка и Закона Божьего не предусматривалось. Они были введены в учебную программу только в 1811 г. Каждому классу полагалось в неделю тридцать шесть часов занятий. С понедельника по четверг занятия начинались с 8 часов и продолжались до 12 (два урока по два часа каждый), затем – обед, и с 14 до 18 ч проводились еще два урока. В пятницу занятия продолжались с 8 до 16 ч с обедом, а в субботу – до полудня. Учебный год длился с 1 августа до 1 июля. Таким образом, каникулярным был только один месяц – июль. По штату в гимназии полагалось иметь восемь учителей – четыре младших для обучения языкам и четыре старших для остальных предметов. Младшим учителям гимназии назначалось годовое жалование в 400 рублей, старшие учителя получали от 550 до 750 рублей, директор – от 800 до 1000 рублей. Воспитательной работой в гимназиях обязаны были заниматься сначала гувернеры, а позднее – надзиратели. Последние в основном были иностранцами. По уставу 1804 г. в первом и втором классах гимназий запрещались следующие способы наказаний: ремни, палки, плети, линейки и розги, пощечины, щелчки и кулаки, дранье за волосы, за уши и ставление на колени, всякие посрамления и честь трогающие устыжения, как-то «уши ослиные» и названия «скотины, осла и т.п.» Однако, по воспоминаниям выпускников даже лучших гимназий, обращение с учениками гувернеров и учителей было «постоянно суровое и грубое», причем нередко с «воспитательной целью» устраивались общие экзекуции. Ученики гимназий делились на казенных и своекошных, которые оплачивали свое обучение. Часть учеников постоянно проживала при гимназии и находилась на полном обеспечении, другие были приходскими и оплачивали только обеденный стол и обучение. Выпускники, прошедшие курс обучения с отличием по наукам и поведению, утверждались в чине 14 класса Табели о рангах, а в университет принимались без экзамена.

Гимназическое образование не гарантировало дворянским детям обучение в сословно-замкнутой среде, и поэтому родители предпочитали воспитывать их в закрытых учебных заведениях. Родившийся в дворянской семье, где господствовали традиционные представления о сословных привилегиях дворянства, И.И. Панаев вспоминал как «... был помещен в Высшее училище (теперь 2-я гимназия), в котором я пробыл только две недели ... Я умолял, чтобы меня взяли оттуда, потому что не хотел учиться вместе с детьми разночинцев и ремесленников. В двенадцать лет, несмотря на совершенное ребячество, я уже был глубоко проникнут чувством касты, сознанием своего дворянского достоинства. Мольбы мои взять меня из Высшего училища нашли не только совершенно основательными, но даже некоторые из близких мне людей рассказывали об этом своим знакомым с гордостью: «Дитя, а какие высокие чувства!», и я выиграл этим в глазах родных и знакомых. Меня определили в Благородный пансион ...» [12, С. 27 – 28].

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. пансионы (франц. pension, от лат. pensio – платеж) представляли собой закрытые учебные заведения с общежитием и полным содержанием учащихся. Одним из наиболее привилегированных учреждений этого типа был Благородный пансион в Санкт-Петербурге, открытый 1 сентября 1817 г. Благородный пансион – закрытое учебное заведение для мальчиков из семей потомственных дворян – пользовался prerogative высшего учебного заведения. Его выпускники имели право на получение чинов от 14 до 10-го класса Табели о рангах. Главной целью пансиона было «дать детям привилегированных классов населения столицы возможность получать соответственное их положению образование и право на движение по государственной службе». Срок обучения составлял четыре года, а список изучаемых пансионерами предметов был довольно разнообразен. В него входили математические дисциплины, всеобщая и отечественная история, литература, логика, география, статистика, политическая экономия, древние и новые языки, рисование, музыка, танцы и т.д. В первые три года своего существования Благородный пансион отличался высоким уровнем преподавания. Занятия в нем вели блестящие педагоги, обучавшие царскосельских лицейцев, профессора А.И. Галич, А.П. Куницын, Э.В.С. Раупах, Я.Г. Зембницкий. Должность гувернера в младших классах исполнял В.К. Кюхельбекер, вы-

пускник Лицея и близкий друг А.С. Пушкина. Администрацию пансиона составляли инспектор, его помощник и комнатные надзиратели – по одному на пятнадцать человек. Распорядок дня пансионеров был достаточно жесткий. Они поднимались летом в половине шестого утра и в шесть часов зимой. В 7 часов подавался завтрак. С 8 до 12 шли занятия, затем, после обеда, с 14 до 16 часов дня – лекции. Для гуляния и физических упражнений отводилось время от 16 до 18 часов вечера. До 20 часов пансионеры готовили домашнее задание, затем ужинали и в 22 часа ложились спать. От заведенного порядка отступали только на время экзаменов, когда воспитанникам позволялось дольше засиживаться по вечерам, чаще выходить на прогулки в сад или во двор. На летние каникулы пансионеры разъезжались по домам; для тех, кто не имел такой возможности и оставался летом в пансионе, нанималась дача за Нарвской заставой по дороге к Петергофу. Аналогичный Благородный пансион в это время существовал и при Московском университете.

К началу XIX в. в России появляются многочисленные частные пансионы разного толка, например только в Петербурге было семнадцать мужских и двадцать два женских пансиона. Их владельцами чаще всего становились иностранцы. В пансионы детей принимали в возрасте девяти-двенадцать лет. Обучение длилось шесть лет и носило преимущественно гуманитарный характер. Основное время отводилось на изучение латыни, французского, английского и немецкого языков, географии, истории, гражданской и военной архитектуры. С 1811 г. в частных пансионах требовалось преподавание русского языка. Большое внимание в учебных программах отводилось танцам, музыке, рисованию и искусству светского общения. Контроль за учебной деятельностью пансионеров был возложен на Министерство народного просвещения, но на практике он осуществлялся в основном в столицах – Петербурге и Москве. Провинциальные пансионы нередко отличались крайне низким уровнем преподавания и грубостью нравов. Среди учителей были распространены пьянство, взяточничество и жестокость в обращении с учениками. В мужских пансионах широко применялась система телесных наказаний. Такое воспитание в сочетании с негигиеничными условиями повседневного быта вредно влияло на формирующуюся личность и организм подростков.

Особое внимание верховная власть уделяла развитию системы военно-учебных заведений, основы которой были заложены в начале XVIII в. императором Петром I. Эта система имела целью обеспечить малолетним дворянам, избравшим военную карьеру, общее образование и воспитание, соответствующее предназначению офицера. Важнейшее звено в системе военно-учебных заведений в России составляли петербургские кадетские корпуса.

Первый кадетский корпус (до 1800 г. – Императорский шляхетный сухопутный кадетский корпус) был учрежден в 1731 г. и размещался в бывшем дворце князя А.Д. Меншикова на Васильевском острове. Корпус, где воспитывались дети потомственных дворян, славился превосходным собранием учебных пособий и библиотекой.

Второй кадетский корпус (в 1762 – 1800 гг. – Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус) восходил к образованной Петром I Дворянской артиллерийской школе, но к началу XIX в. уже утратил свою артиллерийскую специализацию.

Павловский кадетский корпус (в 1796 – 1829 гг. – Императорский военно-сиротский дом) получил свое название в честь императора Павла I, учредившего в 1793 г. школу для сыновей неимущих инвалидов. В этот корпус зачисляли круглых сирот.

Морской кадетский корпус (до 1800 г. – Морской шляхетный кадетский корпус) был основан в 1752 г. и выпускал офицеров флота.

В конце XVIII – начале XIX вв петербургские кадетские корпуса обеспечивали своим питомцам не только профессиональное, но и широкое гуманитарное образование; причем в них литературные и театральные увлечения воспитанников всячески поощрялись.

Внутренний порядок в столичных и провинциальных кадетских корпусах и, в известной мере, их внешняя организация строились по образцу, принятому в войсковых частях: сухопутные корпуса приравнивались к батальонам, Морской – к флотскому экипажу. Все они давали общеобразовательную подготовку, которая продолжалась семь лет. Кадеты разделялись на три курса, т.е. высший, средний и низший. Во всех корпусах преподавались Закон Божий, русский и иностранные языки (во втором кадетском корпусе наряду с французским и немецким – арабский и армянский), география и статистика, история, математика, черчение, рисование,

каллиграфия и военные дисциплины, т.е тактика, артиллерия, фортификация. В Морском кадетском корпусе также изучались психология, физика, астрономия, навигация, теория кораблестроения и корабельная архитектура. Летом кадеты сухопутных корпусов выступали в лагерь, а учащиеся Морского корпуса проходили практику на судах военного флота. Главным начальником сухопутных кадетских корпусов в 1798 – 1831 гг. являлся великий князь Константин Павлович. Однако, несмотря на внимание верховной власти к вопросам военного образования, положение кадетских корпусов в материальном и учебно-воспитательном отношении нельзя признать удовлетворительным. О недобросовестности педагогов и грубости телесных наказаний писали многие выпускники кадетских корпусов. Отцу декабриста Н.А. Бестужева, воспитывающегося в Морском кадетском корпусе, пришлось даже нанять сыну преподавателя из Академии художеств для пополнения образования в «тех предметах, о которых в корпусе не было и помину». Исключение составлял знаменитый Пажеский корпус, основанный в 1802 г. в Санкт-Петербурге.

Пажеский Его Величества корпус – особо привилегированное учебное заведение для детей знатнейших дворянских фамилий. Поступление в него разрешалось сыновьям не ниже генерал-лейтенанта или гражданских чинов 2 и 1-го класса Табели о рангах. Воспитанников Пажеского корпуса называли пажами. Их с детства готовили к придворной и военной службам, главным образом в гвардии, службе. Повседневный быт пажей резко отличался от быта воспитанников кадетских корпусов. Каждому пажу полагался служитель, которой опралял ему постель, следил за бельем, чистил платье и обувь, а также покупал к завтраку свежие булочки, сливки и сахар. За это ему платили от 5 до 10 рублей в месяц. Помещения корпуса блистали чистотой и порядком. Питание пажей было превосходным. Распорядок дня разумно предусматривал чередование занятий и отдыха, прогулок, гимнастических упражнений, строевой подготовки. Большое внимание уделялось физическому развитию, закаливанию. Так, ежедневно перед завтраком пажи в любую погоду совершали пятнадцатиминутную прогулку без верхней одежды, в одних куртках. Учебная программа Пажеского корпуса была достаточно обширна. В трех младших классах преподавались общеобразовательные предметы: русский, немецкий и французский

языки, математика, история, география, черчение и рисование. Успеваемость оценивали по 12-балльной шкале, при этом оценки ниже 6 баллов считались неудовлетворительными. Воспитанники, получавшие 2 балла и 1, лишались сладкого блюда или права на отпуск. В трех старших классах пажи изучали в основном военные науки: тактику, стратегию, военную историю, артиллерию, фортификацию, кроме того – физику, химию, аналитику, геодезию, правоведение и статистику. Строевую службу они постигали летом в лагерях, преимущественно в Красном селе под Петербургом, а зимой – при разводе караулов в Зимнем дворце. Отношение преподавателей и учащихся носили уважительный характер, а о телесных наказаниях даже не упоминалось. Особое внимание при воспитании пажей уделялось светскому этикету. Каждая особа императорской фамилии имела своего камер-пажа, обязанного прислуживать ей на официальных приемах. Навыки светского общения пажи постигали не только при Императорском дворе, но и на балах и различных праздниках в частных домах вельможного и сановного Петербурга. Выпуск пажей завершался публичным экзаменом, на котором присутствовали высший генералитет и придворная знать.

Одним из наиболее привилегированных закрытых учебных заведений в начале XIX в. стал Царскосельский Александровский лицей, основанный в 1811 г.. Проект создания Лицея для подготовки всесторонне развитых и образованных деятелей для государственной службы, причем «даже к важным ее частям», был разработан М.М. Сперанским в 1808 г. Хотя Лицей предназначался для детей самых знатных фамилий – одно время даже предполагалось там обучать младших братьев императора Александра I великих князей Николая и Михаила – однако он не привлек внимание сановного и богатого дворянства. Возможно потому, что само слово «лицей», как отмечали современники, было непривычно для русского слуха. Оно происходило от греческого и означало название места под Афинами, где греческие философы ввели особую систему образования – не уроки, а беседы с учениками, общение с ними во время прогулок по садам, украшенным колонадами и портиками.

Первыми воспитанниками стали в основном дети родовитого, но не богатого служилого дворянства. К приемным испытаниям было допущено 36 человек из 50 желающих. По результатам экзамена зачислили 30. При-

емный экзамен проходил на квартире министра народного просвещения графа А.К. Разумовского, что, видимо, должно было подчеркнуть особое положение Лицея.

Лицей разместился в специально построенном здании рядом с Екатерининским дворцом в Царском селе. На первом этаже размещались хозяйственные комнаты и больница, на втором и третьем – большой зал, классы и классные комнаты для занятий после уроков, на четвертом – спальни воспитанников – небольшие комнаты, разделенные перегородкой с умывальником, постелью, шкафом для белья и платья. Лицейсты получили особую форменную одежду: сюртук военного покроя, брюки того же цвета, синию фуражку с бархатным околышком, парадный мундир синего сукна с красным воротником, шитыми петлицами, серебряными – в первом курсе, золотыми – во втором, белые панталоны, белый жилет, белый галстук, ботфорты и треугольную шляпу.

Новое учебное заведение, принимавшее учеников десяти-двенадцати лет, должно было довести их за шестилетний срок до уровня окончивших восемь классов гимназии и четырехлетний курс университета. Обучение в Лицее разделялось на два курса – начальный и «окончательный», каждый по три года. В учебную программу начального курса входили гимназические науки. Специальный раздел курса составляли занятия под общим названием «Изящные искусства и гимнастические упражнения». Сюда включались музыка, рисование, пение, танцы, литературное творчество, верховая езда, плавание и различные гимнастические занятия. «Окончательный» курс охватывал дисциплины, которые изучались на философском и юридическом факультетах университета. Учебный режим и распорядок дня благоприятствовали свободному развитию физических и умственных сил воспитанников. «... Вставали мы, – вспоминает И.И. Пущин, – по звонку в шесть часов. Одевались, шли на молитву в залу. Утреннюю и вечернюю молитву читали мы вслух по очереди. От 7 до 9 часов – класс. В 9 – чай, прогулка – до 10. От 10 до 12 – класс. От 12 до часу – прогулка. В час – обед. От 2 до 3 – или чистописание, или рисование. От 3 до 5 – класс. В 5 часов – чай, до 6 – прогулка, потом повторение уроков или вспомогательный класс. По средам и субботам – танцевание или фехтование. Каждую субботу баня. В половине 9 часа – звонок к ужину. После ужина до 10

часов – рекреация [«мячик и беготня»]. В 10 – вечерняя молитва, сон ...» [14, С. 41]. Большое внимание уделяли воспитатели физическому развитию лицеистов. Зимой воспитанники ежедневно катались на коньках на небольшом четырехугольном пруду перед дворцом, летом занимались плаванием и греблей на прудах и озерах Царскосельского парка. Директор Лицея В.Ф. Малиновский устраивал различные подвижные игры, летом организовывал пешеходные прогулки в Колпино, Павловск и т.п. Штат профессоров и преподавателей Лицея был составлен из лучших специалистов того времени. С большой душевной теплотой вспоминали выпускники профессоров А.П. Куницына, Н.Ф. Кошанского, И.К. Кайданова, Я.И. Карцева, Д.И. де Будри, А.И. Галича, директоров В.Ф. Малиновского и Е.А. Энгельгардта, гувернера С.Г. Чирикова. Обращение с учениками в Лицее было исключительно вежливое и тактичное. Учителя и гувернеры называли их по фамилии, с прибавлением слова «господин». Лицей стал одним из первых учебных заведений, в котором решительно и без всяких оговорок отвергались телесные наказания. Все в жизни Лицея – и лекции преподавателей, и самостоятельные занятия, и общение с наставниками, и развлечения – способствовало развитию индивидуальности каждого воспитанника. Например, в Лицее регулярно устраивались соревнования по иностранным языкам: кто случайно заговорит по-русски, того штрафовали. На квартире гувернера С.Г. Чирикова проводили литературные собрания, на которых лицеисты по очереди рассказывали повесть, начатую одним, продолженную другим и так далее, в зависимости от охоты или фантазии. Лицей выделялся не только постановкой дела обучения и воспитания, но и своим прекрасным учебным оборудованием. Здесь имелись кабинеты математических и физических наук с самым современным оборудованием. Стараниями Е.А. Энгельгардта был устроен великолепный кабинет естественных наук. Славилась и лицейская библиотека, которая насчитывала до семи-восьми тысяч томов. Из стен этого учебного заведения вышло немало людей, сыгравших важную роль в истории и культуре России, особенно это касается первого «блистательного выпуска». В 1817 г. Лицей окончили поэты А.С. Пушкин и А.А. Дельвиг, будущий канцлер Российской империи князь А.М. Горчаков, историк М.А. Корф, мореплаватель Ф.Ф. Матюшкин, декабристы И.И. Пушкин и В.К. Кюхельбекер.

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. в России складывается система закрытых учебно-воспитательных заведений для девочек из дворянских семей. Это были так называемые институты благородных девиц. В 1764 г. по желанию императрицы Екатерины II в Петербурге было учреждено «Воспитательное общество благородных девиц». Первоначально оно разместилось в стенах Воскресенского Новодевичьего монастыря около деревни Смольной (отсюда и более позднее название Смольный институт), затем для него было выстроено специальное здание. Смольный институт стал самым привилегированным учебным заведением для девочек, куда принимали только дочерей потомственного родовитого дворянства. Смоянка всегда являлась эталоном петербургской аристократии. С момента основания и до конца своего существования Смольный институт пользовался особым покровительством императорской семьи.

После смерти Екатерины II руководство государственными учебно-воспитательными заведениями для девочек приняла на себя супруга императора Павла I Мария Федоровна. В 1797 г. по ее инициативе в Санкт-Петербурге открылся Екатерининский институт благородных девиц, куда принимали девочек из богатых дворянских семей. После окончания Отечественной войны, в 1813 г., был основан Патриотический институт, предназначенный для дочерей штаб- и обер-офицеров, принимавших участие в боевых действиях. В 1829 г. по этому образцу был создан Павловский институт для дочерей младших офицеров, причем на второе отделение принимались дочери мелких чиновников.

По указанию императрицы Марии Федоровны был разработан новый устав институтов благородных девиц. Во главу угла ставилось отныне религиозно-нравственное и светское воспитание будущих примерных жен и матерей, достойных представительниц дворянского общества. Согласно новому уставу в институты принимались девочки восьми-десяти лет, срок обучения составлял девять лет. Обучение институток разделялось на три класса, по три года каждый.

Каждый класс состоял из трех отделений: одно – для способных, другое – для посредственных воспитанниц и третье – для слабых учениц. По статусу институты благородных девиц считались средними образовательными учреждениями, но объем учебной программы был здесь неизме-

римо меньшим, чем в мужских гимназиях. Институтская программа включала преподавание Закона Божьего, русского языка и литературы, иностранных языков (французский, немецкий и позднее английский), географии, истории, арифметики, геометрии, естественной истории, физики и чистописания. Лучше всего в институтах было поставлено преподавание иностранных языков. Во внеурочное время воспитанницы могли говорить между собой и наставницами только на французском или немецком языках. Нарушение этого правила влекло за собой наказание. Очень много внимания в институтах уделялось рисованию, музыке, танцам и рукоделию, поскольку владение этими навыками считалось обязательным для светской женщины. Пристальному контролю со стороны наставниц подвергался внешний вид институток, их осанка, прическа. За неряшливую прическу могли наказать строже, чем за невыученный урок. Неукоснительно соблюдался распорядок дня. Подъем зимой и летом в 8 часов. С 9 до 12 – уроки, в полдень – обед, затем – отдых до 14 часов. С 14 до 17 часов – снова уроки, в 17 часов – вечерний чай. С 18 до 20 часов – выполнение домашних заданий, в 20 часов – ужин. В 21 час институтки ложились спать. На прогулку воспитанницы могли выходить только в сад или во двор института и летом, и зимой. Во всех без исключения институтах ученицам ни при каких обстоятельствах не разрешались отпуска и поездки к родным, хотя последние могли их навещать в стенах заведения.

Вообще повседневный быт институток не отличался особым комфортом и свободой духовного развития. В каждом дортуаре (общая спальня) была своя классная дама, старшая классная дама курировала весь курс. В обязанности классной дамы входил постоянный надзор за поведением, манерами, успеваемостью учениц. Классные дамы жили в институте и проводили с воспитанницами весь день: утром будили девочек, вечером следили, чтобы те вовремя легли спать, присутствовали на всех уроках, вместе с ними они завтракали, обедали и ужинали, гуляли, наблюдали за играми. У классной дамы хранились деньги, присылавшиеся девочкам родственниками, она имела право распечатывать и читать письма, которые получали воспитанницы. Подобное изолированное от внешнего окружения образование имело свою негативную сторону: институтки выходили из стен заведения, нередко имея совершенно ложные представления о жизни

и человеческих взаимоотношениях, а потому весьма болезненно переживали каждое столкновение с реальностью. Однако при всех своих недостатках институты благородных девиц все же способствовали постепенному становлению государственного женского образования в России.

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. наиболее просвещенная часть русского дворянства и готовая служить Отечеству «не с оружием, так с пером в руках» могла продолжить свое образование в Петербургском, Московском, Дерптском университетах или за границей, главным образом в университетах Германии – Гейдельберге, Геттингене и Марбурге, а также Сорбонне, Оксфордском и Кембриджском университетах.

Контрольные вопросы и задания

1. Опишите взгляды Екатерины II и ее ближайшего окружения на воспитание и образование.
2. Расскажите о реформах Александра I в области народного образования.
3. Пансион и гимназия. В чем сходства и отличия в обучении ?
4. Дайте характеристику учебным программам и методам обучения в кадетских корпусах России второй половины XVIII – начала XIX вв.
5. Раскройте специфику женского образования в России второй половины XVIII – начала XIX вв.

Темы рефератов

1. Женское образование в России во второй половине XVIII – начале XIX вв.
2. Военно-учебные заведения в России во второй половине XVIII – начале XIX вв.
3. Русские педагоги начала XIX в.
4. Царскосельский Александровский лицей.
5. Знаменитые царскосельские лицеисты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России второй половины XVIII – начала XIX вв. дворянское образование носило нормативный характер, отличалось единством содержания и имело светскую направленность.

В идеале дворянин обязан был быть не только «человеком чести» – верным, храбрым, честным и щедрым, но и «образцовым хозяином», обладающим такими качествами, как трудолюбие, скромность, бережливость и умеренность. Он должен был иметь обостренное чувство собственного достоинства и уметь уважать не только людей, стоящих гораздо выше его по своему социальному положению, но и тех, кто стоял неизмеримо ниже. Подобные нравственные принципы и правила поведения требовали длительного и тщательного воспитания. Поэтому уже с самого раннего детства ребенка знакомили с системой христианско-этических норм и традиций, определяющих стиль поведения дворянина. Они входили в сознание детей при помощи целого комплекса разных, внешне порой никак между собой несвязанных требований, педагогических приемов и подходов.

Первое знакомство с религиозно-нравственными устоями происходило под руководством сельского священника или дьячка, который обучал детей Закону Божьему и грамоте по Часослову и Псалтыри; причем каждодневное учение начиналось и заканчивалось молитвой. Большое значение для начального воспитания ребенка имел сам стиль дворянской жизни в городе или сельской усадьбе, домашний круг общения, в том числе и с крепостными нянями и дядьками.

По мере взросления детей программа дворянского образования расширялась и менялся круг наставников. Главную роль в воспитании теперь играли иностранные гувернеры и педагоги – представители иных культур и религиозных конфессий. Чаще всего это были французы – католики или немцы – лютеране, а также протестанты – англичане и швейцарцы. Своих воспитанников они обучали древним и новым языкам, истории, географии, математике, физике, музыке, танцам, гимнастике, фехтованию, верховой езде и т.п. Иностранцы знакомили детей с бытом и нравами европейского общества, превращая дворянскую семью в своеобразный центр межкультурной коммуникации и межконфессионального диалога.

Наряду с домашним воспитанием в России во второй половине XVIII – начале XIX в. широкое распространение получили частные и государственные учебные заведения, представленные гимназиями, пансионами и ка-

детскими корпусами, а также привилегированными Царскосельским Александровским лицеем и Смольным институтом. Образование в этих учебных заведениях носило ярко выраженный сословный характер и было направлено на подготовку всесторонне развитого и образованного дворянства для государственной службы и общественной деятельности.

Для углубленного и наглядного знакомства с культурой и обычаями своей страны и иноземных государств дворянские юноши отправлялись в путешествие по губерниям Российской империи и в Европу, считавшееся в ту эпоху необходимым для завершения образования. В ходе такого воспитательного тура молодые люди наблюдали за бытом и нравами европейского общества, знакомились с архитектурой городов, королевских резиденций и дворянских поместий в Англии, Франции, Италии, Германии, Голландии или Испании, коллекционировали произведения живописи и скульптуры, покупали книги по экономике и праву, науке и искусству, истории и географии и т.п.

Однако, подавляющее большинство провинциального дворянства не имело возможности совершать подобные воспитательные туры, также как и заграничные поездки даже в зрелом возрасте. О всех европейских и столичных политических событиях, моде, экономических и культурных новинках провинциалы узнавали из книг, журналов и писем родственников или друзей. Во второй половине XVIII в. печатная продукция стала играть исключительно важную роль в самообразовании дворянства. О росте круга читателей в рассматриваемый период свидетельствует резкое увеличение книжной продукции, т.е. только с начала 1760-х г. до половины 1790-х г. в России было опубликовано свыше 500 иностранных романов и повестей. В это же время появляются романы из русской жизни. В составе домашних библиотек наиболее состоятельных помещиков выделялись следующие разделы: политика и право, наука и искусство, история и география, беллетристика, богословие и др. Обязательной частью библиотек стало наличие книжной продукции прикладного характера – словарей, энциклопедий, сборников хозяйственных советов, календарей и т.п. С конца XVIII в. их стали выпускать и провинциальные типографии.

Сложившаяся во второй половине XVIII – начале XIX в. система дворянского обучения и воспитания в Российской империи превратила русское дворянство в одно из самых образованных и культурно развитых во всей Европе, для которого служение Отечеству стало не только обязанностью, но и правом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке

Художник В.Л. Боровиковский. 1794 г.

Е.Р. Дашкова

Портрет неизвестного художника. XVIII в.

И.И. Бецкой

Портрет. Скульптор Ф.И. Шубин. 1790-е гг.

Александр I

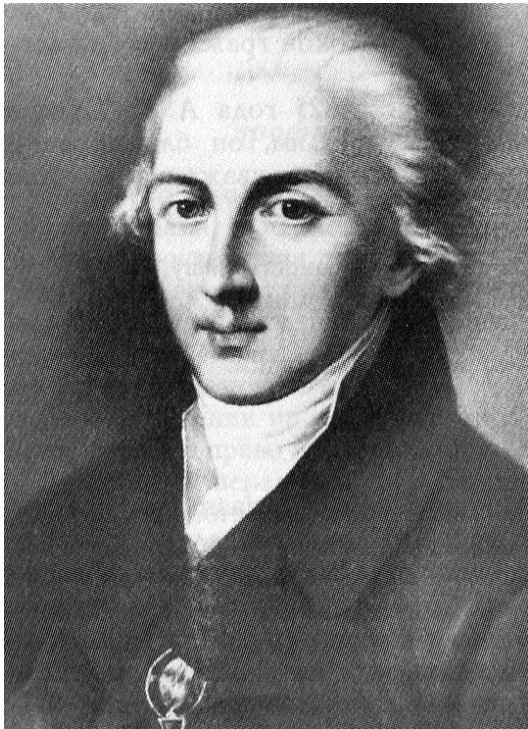
Гравюра. 1812 – 1813 гг.

А.К. Разумовский
*Портрет неизвестного художника.
Начало XIX в.*

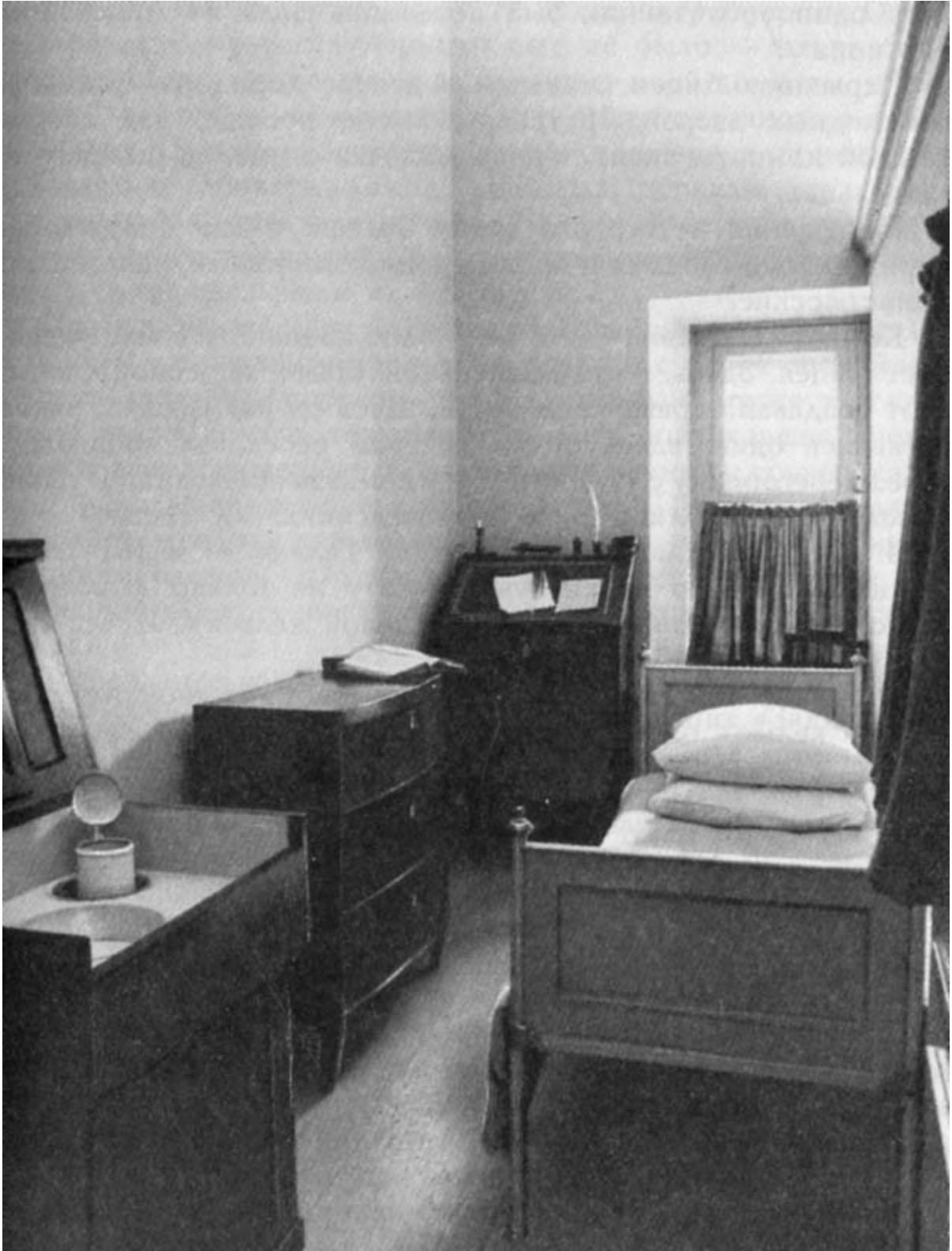
Императрица Мария Федоровна
*Художник А. Рослин.
Конец 1770-х гг.*

В.Ф. Малиновский
*Портрет неизвестного художника.
1790-е гг.*

Е.А. Энгельгардт
*Портрет неизвестного художника.
1810-е гг.*

Комната А.С. Пушкина в Царскосельском Александровском лицее.

Современная фотография

Царскосельский Александровский лицей. *Архитектор В.П. Стасов. 1811 г.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. ГАРФ. ф. 109. Оп.3. д.3178. л.8.
2. *Болотов, А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / А.Т. Болотов. – М.: ТЕРРА, 1993. – Т.1 – 3. – ISBN 5-85255-382-4.
3. *Он же.* Путеводитель к истинному человеческому счастью / А.Т. Болотов. – М., 1784.
4. *Вигель, Ф. Ф.* Записки / Ф. Ф. Вигель; под ред. С.Я. Штрайха. – М.: Захаров, 2000. – 592 с. – ISBN 5-81590-092-3.
5. *Головин, М. Е.* Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству / М. Е. Головин. – СПб., 1789. – Ч. I – II.
6. *Дашкова, Е. Р.* О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы / Е. Р. Дашкова; сост. Г.И. Смагина. – СПб., Изд-во Дмитрий Буланин, 2001 – 462 с. – ISBN 5-86007-290-2.
7. *Дмитриев, М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни / М. А. Дмитриев; подготовка текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 752 с. – ISBN 5-86793-023-8.
8. История жизни благородной женщины / сост. В. М. Бокова. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 480 с. – ISBN 5-86793-021-1.
9. *Керн, А. П.* Воспоминания. Дневник. Переписка / А. П. Керн; сост. А. М. Гордин. – М.: Правда, 1989. – 480 с.
10. *Массон, Ш.* Секретные записки о России / Ш. Массон; подготовка текста и примеч. Е.Э. Ляминой, А.М. Пескова. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 208 с. – ISBN 5-86793-019-1.
11. О строении / А.Т. Болотов // Экономический магазин. – М.: 1782. – Ч. IX. – С. 365 – 376.
12. *Панаев, И. И.* Литературные воспоминания / И. И. Панаев; вступ. ст. и ком. И. Г. Ямпольского. – М.: Правда, 1988. – 448 с.
13. *Пушкин, В. Л.* Стихи. Проза. Письма / В. Л. Пушкин; сост. Н.И. Михайлова – М.: Сов. Россия, 1989. – 368 с.
14. *Пуцин, И. И.* Записки о Пушкине. Письма / И. И. Пуцин; сост., вступ. ст. и ком. С.Д. Семеновы. – М.: Сов. Россия, 1979. – 114 с.

15. Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / сост. И.И. Подольская. – М.: Правда, 1988. – 560 с.

16. Суворов, А. В. Письма / А. В. Суворов; отв. ред. В.Н. Лопатин. – М.: Наука, 1986. – 808 с.

17. Честерфилд. Письма к сыну. Максимум. Характеры / Честерфилд; отв. ред. М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1978. – 328 с.

18. Энгельгардт, Л. Н. Записки / Л. Н. Энгельгардт; сост. И.И. Федюкин. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. – 256 с. – ISBN 5-86793-024-6.

Рекомендуемая литература

19. Барашев, М. А. Культура русской усадьбы второй половины XVIII – начала XIX веков. Очерки: учеб. пособие / М. А. Барашев. – Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2002. – 68 с. – ISBN 5-89368-349-8.

20. Брянцев, М. В. Культура русского купечества. Воспитание и образование / М.В. Брянцев. – Брянск: Курсив, 1999. – 201 с. – ISBN 5-89592-018-7.

21. Быт и повседневная жизнь русского купечества (конец XVII – начало XX вв.) / М.А. Барашев // История российского предпринимательства: моногр. – Владимир: ВлГУ, 2001. – Гл. 10. – С. 238 – 283. – ISBN 5-89368-290-4.

22. Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря / под ред. И.С. Чистовой. – М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. – 304 с. – ISBN 5-89059 – 053-7.

23. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI – XX вв.: Исторические очерки / отв. ред. Л. В. Иванова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 784 с. – ISBN 5-83600-183-9.

24. Домашние учителя в русской дворянской усадьбе второй половины XVIII – начала XIX веков / М.А. Барашев // Проблемы России: история и современность: сб. науч. ст. – Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2003. – С. 58 – 60. – ISBN 5-89368-369-2.

25. Из истории образовательного опыта русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX веков / М.А. Барашев // Гуманизация и гуманитаризация образования в вузе: сб. ст. – Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2003 – С. 12 – 14. – ISBN 5-89368-360-9.

26. Крепостная школа в культуре русской усадьбы второй половины XVIII – первой половины XIX веков / М.А. Барашев // Власть и общество: сб. ст. – Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2003. – С. 18 – 20. – ISBN 5-89368-438-9.

27. *Лотман, Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – 2-е изд., доп. – СПб.: Искусство, 2001. – 415 с. – ISBN 5-21001-524-6.

28. *Михневич, В. О.* Русская женщина XVIII столетия / В. О. Михневич. – Репринтное издание 1895 г. – М.: Панорама, 1990. – 404 с. – ISBN 5-85220-042-5.

29. *Муравьева, О. С.* Как воспитывали русского дворянина / О. С. Муравьева. – М.: Linka Press, 1995 – 272 с. – ISBN 5-71930-049-X.

30. *Равкин, З. И.* Педагогика Царскосельского Лицея Пушкинской поры (1811 – 1817 гг.): Историко-педагогический очерк / З. И. Равкин. – М.: Флинта, 1999. – 152 с. – ISBN 5-89349-153-X.

31. *Руденская, С. Д.* Царскосельский Александровский Лицей. 1811 – 1917 / С. Д. Руденская. – СПб.: Лениздат, 1999. – 511 с. – ISBN 5-289-01-891-3.

32. Светское и религиозное образование в русской усадьбе конца XVIII – начала XIX веков / М.А. Барашев // Свеча. 2003 : сб. ст. – Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2003 – С. 44 – 45. – ISBN 5-89368-483-4.

33. Человек эпохи Просвещения: сб. науч. ст. / отв. ред. Г.С. Кучеренко. – М.: Наука, 1999. – 223 с. – ISBN 5-02011-743-9.

34. *Шепелев, Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи / Л. Е. Шепелев. – Л.: Наука, 1991. – 224 с. – ISBN 5-02-027-196-9.

35. *Экштут, С. А.* На службе российскому Левиафану. Исторические опыты / С. А. Экштут. – М.: Прогресс – Традиция, 1998. – 328 с. – ISBN 5-89493-019-7.

36. *Яковкина, Н. И.* Русское дворянство первой половины XIX века. Быт и традиции / Н. И. Яковкина. – СПб.: Лань, 2002. – 160 с. – ISBN 5-81140-360-7.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ДВОРЯНСТВА.....	6
Глава 2. ДОМАШНЕЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	16
Глава 3. ЧАСТНЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В РОССИИ.....	28
Заключение	42
Приложение	44
Библиографический список.....	52

Учебное издание
БАРАШЕВ Михаил Анатольевич

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКОВ.

Очерки

Учебное пособие

Редактор Е.В. Невская
Корректор Е.В. Афанасьева
Компьютерная верстка Е.Г. Радченко
Дизайн обложки Е.П. Викулова

ЛР № 020275. Подписано в печать 05.05.05.

Формат 60×84/16. Бумага для множит. техники. Гарнитура Таймс.
Печать на ризографе. Усл. печ. л. 3,25. Уч.-изд. л. 3,41. Тираж 100 экз.

Заказ

Редакционно-издательский комплекс
Владимирского государственного университета.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.